

Toshkent davlat
sharqshunoslik universiteti

XXI ASR: FAN VA TA'LIM MASALALARI

ilmiy elektron jurnali

ISSN: 2181-9874

EDUCATION

2026

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ ДИНАСТИИ МИН (ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Наталья Э. Каримова

*Профессор кафедры истории и
антропологии восточных стран*

Ташкентский государственный университет востоковедения

Аннотация. В статье рассмотрены особенности торговой политики китайской династии Мин с кочевыми народами. Минский двор, несмотря на неприятие коммерции, инициировал и развил торговлю «чаем и лошадьми» с кочевыми племенами в начальный период правления, так как очень нуждался в лошадях. Тем не менее, китайское государство старалось не допускать внешней торговли в чистом виде, а стремилось ввести ее в рамки политических отношений по системе «сюзерен-вассал», проявляя больше внимания к, так называемым, «данническим отношениям».

Обращено особое внимание на то, что китайское правительство предпочитало организовывать торговлю не с теми, у кого лошадей было больше и они были лучше, а с теми, кто был менее воинственен, чем монголы, например, с тибетскими племенами. Иными словами, даже выбор места торговли и выбор партнера осуществлялись, исходя из соображений не экономического, а военно-политического характера.

Ключевые слова: династия Мин, торговля, чай, лошади, Центральная Азия, даннические отношения, монголы, тибетцы.

TRADE POLICY OF THE CHINESE MING DYNASTY (POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS)

Natalia E. Karimova

*Professor, Department of History and
Anthropology of the East*

Tashkent State University of Oriental Studies

Abstract. Features of the trade policy of the Chinese Ming Dynasty in relation to nomadic peoples are considered in the report. The Ming's Yard, initiated and developed the trade of “tea and horses” with nomadic tribes in the initial period of rule, as it was in great need of horses despite the rejection of commerce. Nevertheless, the Chinese state tried to prevent foreign trade in its purest form and sought to introduce it into the framework of political relations under the overlord-vassal system, paying more attention to the so-called tributary relations.

It has been noted that the Chinese government preferred to organize trade not with those who had more horses and were better equipped, but with those who were less belligerent than the Mongols, for example, with Tibetan tribes. In other

words, even the choice of a place of trade and the choice of a partner were carried out based on considerations not of an economic but of a military-political nature.

Keywords: Ming dynasty, trade, tea, horses, Central Asia, tributary relations, Mongols, Tibetans.

XITOIY MING SULOLASIYASI SAVDO SIYOSATI (SIYOSIY VA IQTISODIY JIHATDAN)

Nataliya E. Karimova

*Professor, Sharq tarixi va antropologiyasi kafedrasi
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti*

Annotatsiya. Ushbu maqolada Xitoy Min sulolasining ko'chmanchi xalqlar bilan savdo siyosati ko'rib chiqiladi. Ming saroyi savdoga nafrat bilan qaramasdan, hukmronligining dastlabki davrida ko'chmanchi qabilalar bilan “choy va ot” savdosini boshlagan va rivojlantirgan, chunki u otlarga juda muhtoj edi. Biroq, Xitoy davlati tashqi savdoni sof shaklda oldini olishga harakat qilib, uni “suzeren-vassal” tizimiga asoslangan siyosiy munosabatlar doirasiga kiritishga harakat qilgan va “solih munosabatlari” deb ataladigan narsalarga ko'proq e'tibor qaratgan.

Ayniqsa, Xitoy hukumati savdoni ko'proq va yaxshiroq otlarga ega bo'lganlar bilan emas, balki mo'g'ullarga qaraganda kamroq urushqoq bo'lganlar, masalan, Tibet qabilalari bilan tashkil qilishni afzal ko'rganiga e'tibor qaratiladi. Boshqacha qilib aytganda, hatto savdo joyi va sherigini tanlash ham iqtisodiy emas, balki harbiy-siyosiy mulohazalarga asoslangan edi.

Kalit so'zlar: Ming sulolasi, savdo, choy, otlar, Markaziy Osiyo, solih munosabatlari, mo'g'ullar, tibetliklar.

ВВЕДЕНИЕ

В политических и экономических взаимоотношениях Китая эпохи Мин (1368-1644 гг.) с центральноазиатскими народами выделяется система контактов, в центре которых, в значительной степени, находились интересы военно-стратегического характера. Это прослеживается на примере торговли, а точнее, торгового обмена Китая со своими соседями.

Династия Мин (1368-1644 гг.), следуя примеру Сунов (960-1279 гг.), пыталась использовать правительственную монополию на чай не только для приобретения лошадей, но и для усмирения непокорных кочевников. Кочевникам чай был необходим по нескольким причинам: он оставался свежим дольше других напитков, например, кумыса; он не содержал других компонентов, кроме воды и являлся мягким стимулятором, особенно после длительного охлаждения. «Мин ши» («История [династии] Мин») отмечает: «Тибетцы (*фаньжэнь*) любят кумыс, [однако], не имея чая, они страдают [до

такой степени], что могут заболеть. Поэтому, начиная с [династии] Тан¹ и Сун, обмен чая на лошадей использовался для подчинения *цянов* и *жунов*. А при [династии] Мин контроль [над ними] стал еще более строгим» [2, с.29020(828a)].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мартынов С. в своей работе об особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин [1, с.234-250], касается вопроса общего подхода китайского государства к торговле. В частности, сравнивая европейский и китайский подходы к торговле, он приводит слова Л.Дерминьи, который отмечал, что «для китайцев ... [обмен с другими народами] является составной частью общей концепции мира, он имеет, прежде всего, моральное значение, или точнее, он мыслится только как производное от миропорядка» [1, с.234]. В этой характеристике довольно точно отражена основная особенность взаимоотношений Китая с внешним миром. Что касается торговли, китайское государство старалось не допускать внешней торговли в чистом виде, а стремилось уложить ее в рамки политических отношений «сюзерен – вассал», проявляя больше внимания к «данническим» отношениям: «Нет дани – нет торговли, есть дань – есть и вознаграждение» [1, с.234].

Некоторые ученые утверждают, что Китай был экономически независимым и использовал потребности кочевников в китайских товарах как политическое средство, что было предпочтительнее, чем экономические средства. Например, Дж. Фэйербэнк отмечал, что разрешение Китая «торговать было знаком императорской милости и означало удержание «варваров» в надлежащих рамках (состоянии) покорности...» [7, p.140].

ОБСУЖДЕНИЕ

Китайцы разводили лошадей, но сами признавали, что лошади из «далеких земель, обычно с запада и севера, и даже из кочевьев, что располагались на границе с Китаем, были откровенно лучше» [6, p.655-656]. Будучи крупнее, быстрее и тяжелее, чем китайские, иностранные скакуны идеально подходили для военных действий. Еще при династии Шан (1523-1028 гг. до н.э.), китайские императоры посылали военные экспедиции для захвата лошадей у кочевых племен на окраинах собственно Китая. Об успешности некоторых подобных экспедиций свидетельствуют скелеты, найденные в шанских гробницах, а также учреждение военных конных служб и широкое применение колесниц [11, с.235]. В эпоху Чжоу (1027-256 гг. до н.э.) практика захоронения жертвенных лошадей приобретает широкое распространение. 114 лошадей было захоронено в местечке Синьцун [5, p.205].

¹ Тан – китайская династия, эпоха, 618-907 гг.
www.sharqjurnali.uz

Лошади были чрезвычайно необходимы в военных действиях, при охоте и транспортировке. Во время беспорядков и хаоса в конце правления династии Чжоу и в начале установления первой централизованной китайской империи Цинь (221-207 гг. до н.э.) лошади ценились достаточно высоко.

Последующая династия Хань также стремилась использовать западных лошадей. Хань Уди (140-87 гг. до н.э.) был самым ранним известным императором, признавшим превосходство центральноазиатских лошадей. Известно, что когда правитель Давани отказался пойти на уступки, Уди послал многочисленную армию под командованием Ли Гуанли, чтобы заполучить «ханьсюэ ма» («лошадей, потеющих кровью»).

Правители династии Мин считали, что монголы² смогли утвердиться в Китае из-за изобилия лошадей. Может быть поэтому, торговлю с ними, со своими главными политическими противниками, они считали делом не только бесполезным, но скорее вредным [1, с.236].

В эпоху Мин стратегическое значение приобретают западные границы провинций Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, в результате чего, тибетские районы стали центрами торговли чаем и лошадьми.

Когда военно-стратегические интересы заставили китайское правительство перенести столицу на север, центр обмена чая на лошадей также переместился в более северные тибетские районы.

Китайское правительство предпочитало организовывать торговлю не с теми, у кого лошадей было больше и они были лучше, а с теми, кто был менее воинственен, т.е. с тибетскими племенами. Таким образом, даже выбор места торговли и выбор торгового партнера осуществлялись, исходя из соображений не экономического, а военно-политического характера [1, с.237].

Когда первый император Мин взшел на престол, одной из его жизненно важных задач было обеспечение непрерывного снабжения империи боевыми лошадьми. Он учредил *Юаньмасы* (Ведомство по пастбищам) и *Тайнусы* (Ведомство по контролю), с четырьмя филиалами под управлением Военного Министерства, основной целью которых было разведение лошадей [9, p.1-16]. Их функции были простыми: *Юаньмасы* отвечало за пастбищные площади, а *Тайнусы* проводило инспекции по контролю за весом, физическим состоянием лошадей и докладывало о замеченных небрежных и халатных случаях исполнения своих обязанностей скотоводами Военному Министерству, которое, в свою очередь, штрафовало или арестовывало их [2, с.28968(776a)].

Несмотря на эти меры, Китай был не в состоянии обеспечить себя достаточным количеством лошадей, поэтому императоры Мин, особенно, Хуньу³ и Юнлэ⁴, отправляли посольства в государства Центральной Азии, чтобы предложить правителям этих стран в качестве «дани» привозить в

² Имеется в виду предшествовавшая Минам династия Юань (1279-1368 гг.), основанная Хубилай-ханом.

³ Император Хуньу – первый император династии Мин, правил с 1368 по 1398 гг.

⁴ Император Юнлэ – Чжу Ди, третий император династии Мин, правил с 1403 по 1425 гг.

Китай лошадей. Франке В. отмечает, что посольства китайских чиновников Фу Аня и Чэнь Чэна неоднократно были отправлены в центрально-азиатские страны именно с этой целью [8, p.210]. Когда западные посланцы привозили лошадей в Китай, императоры награждали их ценными подарками. Особенно щедрыми были китайские императоры с арабскими послами, привозивших известных арабских скакунов. Например, в 1518 г. император Чжэндэ⁵ пожаловал королю Мекки шелковый халат с изображением четырехлапого дракона⁶, который у китайцев считался самым ценным подарком для иностранцев [2, с.31878(3686a)].

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Подобная политика была успешной и, скорее всего, их различных районов Центральной Азии, как упоминают «Мин ши» и «Мин шилу» («Правдивые записи о [правления императоров] Мин»), стали привозить лошадей в Китай. Но многие западные государства дарили лошадей нерегулярно и количество лошадей, поднесенных в дар, не было фиксированным. Поэтому, нельзя было полагаться на них для пополнения резерва лошадей в масштабе всей страны [8, p.135-246]. К тому же, китайское правительство несло непомерные расходы при сопровождении караванов с «данью» и в интересах империи было найти менее дорогостоящий путь пополнения императорских конюшен. Например, во время военных действий, как сообщает «Мин ши», когда китайская армия добывала лошадей во время столкновений с кочевыми соседями. Количество варьировалось от 300 голов до 40 тысяч [2, с.31846(36546)]. Но подобные мероприятия были нечастыми, тем более, что китайцы чаще теряли своих дорогих, в прямом смысле этого слова, лошадей в тех же боевых действиях.

Таким образом, самым надежным источником получения лошадей оставалась торговля, которая была так необходима для безопасности государства. Поэтому, если в начале династии Мин торговля контролировалась правительством при минимальном участии торговцев, то к концу правления Мин потребность династии в лошадях стала такой непомерной, что она отказалась от предубеждений против коммерции и позволила торговцам играть доминирующую роль в торговле с лошадьми.

На северо-восточной границе Китая кочевые народы продавали лошадей китайцам за шелк и серебро, а на северо-западе развивался торговый обмен чая на лошадей.

Период торгового обмена был коротким, а контакты между китайцами и кочевыми племенами были лимитированы, чтобы правительству было максимально удобно контролировать эту торговлю. Данная система работала некоторое время, но, как только династия слабела, то тут же теряла монополию на чай и торговцы самовольно экспортировали большое

⁵ Император Чжэндэ – У Цзун, третий император династии Мин, правил с 1403 по 1425 гг.

⁶ Подробнее об этой традиции см. [9, p.193-220].

количество чая частным образом, уменьшая этим потребность кочевников в чае государственном и от них невозможно было требовать определенного количества лошадей.

Интенсивное сельское хозяйство широко практиковалось китайцами и оставляло немного земли, пригодной для пастбищ. Даже то скудное количество земли, контролируемое *Юаньмасы* (Ведомством по пастбищам), неизменно сокращалось по требованию фермеров. Например, как отмечают в главе 60 «Мин Тайцзун шилу» («Правдивые записи о [правлении императора] Мин Тайцзуна») «в 1409 г., в провинции Шэньси Юаньмасы имело 24 пастбища, но в конце XV в. из них осталось только шесть» [3, с.237]. Помимо этого, существовали трудности в обеспечении *Юаньмасы* опытными скотоводами. Император был вынужден посылать людей, преступивших законы, для работы с лошадьми в Ведомстве [3, с.237].

В 1503 г. первый помощник главы Палаты контроля Ян Ицин получил приказ контролировать и координировать деятельность всех органов, связанных с коневодством в провинции Шэньси. «Мин ши» отмечает: «В 16-й год правления Хунчжи (1503 г.) отозвали цензоров и назначили чиновника Ян Ицина по совместительству [ведать чайным делом]» [2, с.29022(830a)].

Ян Ицин составил и представил императору «Докладную записку» (1505 г.), в которой критиковал состояние дел в *Юаньмасы* и требовал расширения, находящихся в их распоряжении пастбищ, а также улучшения качества обучения персонала, занимающегося разведением лошадей [2, с.28770(830a)]. Он просил увеличить число скотоводов в Шэньси. Обучение персонала в *Юаньмасы*, как считал Ян, позволит вырастить больше своих лошадей и стать независимыми от кочевых племен. Ян требовал, чтобы новые пастбищные земли были разбиты вокруг подвергавшихся частым нападениям городов (*чэн*) и гарнизонов (*бао*), чтобы тем самым создать защиту от набегов кочевников. Его предложения были частично претворены в жизнь.

Вот как описывали состояние дел в коневодстве в конце XVI в.: «Китайцы знают немного о разведении лошадей. Те лошади, которых они использовали в жизни, обычно были кастрированы. Они были спокойными, обладали хорошим нравом, но в них не было воинственного духа и они обращались в бегство даже от ржания татарских (монгольских) лошадей и были практически не пригодны в военных битвах» [10, p.15].

Официально, торговля чаем и лошадьми осуществлялась во время мирного времени и прекращалась в период ведения военных действий. На самом деле, из-за острой нужды Китая в лошадях, торговля фактически не прекращалась даже во время боевых действий. Поставка лошадей в Китай напрямую была связана с торговлей чаем. Китайские чиновники понимали, что чай и лошади были так связаны в жизни, что и Чайное Ведомство и Ведомство по лошадям управлялись одними и теми же людьми.

Что касается торгового обмена китайского чая на кочевых лошадях, то он существовал еще в эпоху Сун. *Чамасы* (Ведомство по торговле чаем и лошадьми)⁷ было создано в XII в. чтобы контролировать эту торговлю [3, с.227]. Государственный контроль за чаем, в глазах китайцев, был первым шагом в создании рациональной и эффективной «лошадиной» политики. Император Хуньу, в 1372 г., на 4-й год своего правления, обложил 10%-ной пошлиной все сорта чая, остальное же, за исключением малого количества, оставленного для потребления производителями, сохранялось для использования правительством. Император также приказал своим солдатам культивировать чай на пустынных землях. Солдатам оставляли 20% произведенного чая, а остальное получали правительственные чиновники [2, с.29020(828a)]. В результате, правительство ежегодно собирало до 1 млн. *цзиней*⁸ чая из Сычуани и 26863 *цзиней* из Ханьчжуна в Шэньси, двух крупнейших производителей чая в ранний период Мин [3, с.228]. В «Мин ши» сказано: «... утвердили сумму налогов с Шэньси [в размере] 26 тысяч с лишним *цзиней*, с Сычуани – 1 млн. с лишним *цзиней*» [2, с.29020(828a)]. Производителям были гарантированы такие привилегии, как освобождение от трудовой повинности, а суровые наказания предназначались для тех, кто беспощадно, т.е. незаконно, продавал чай торговцам. Эти наказания варьировались от двадцати плетей при первом проступке до конфискации имущества и даже смерти при повторном нарушении [3, с.228].

Большая часть из 1 млн. *цзиней* чая, произведенного в Сычуани, переправлялись для продажи в Шэньси. Оставшаяся от 1 млн. *цзиней* чая, часть реализовывалась торговцами внутри Китая. Они платили металлические деньги правительству и получали лицензию (*инь*⁹), дающую право на торговлю чаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В «Мин ши» есть запись о том, что «в начале [правления] Тайцзу¹⁰ был отдан приказ, чтобы покупающие чай в районах, где он производился, платили металлические деньги и приобретали право торговли чаем (*инь*). За документ на право торговли [объемом] в 100 *цзиней* чая платили 200 *вэней* [металлической монетой], если [вес чая] не достигал 1 *цзиня*, то [это] называлось *цзилин* (кусочки), [для этого] специально ввели *юте* (квитанции) и выдавали [торговцам]» [2, с.29020(828a)].

В *Пичасо* (Станции по контролю за чаем) записывались имена, родственные связи и количество лицензий, розданных торговцам [3, с.229]. Торговцы брали лицензию на чайные плантации и получали определенное

⁷Штат Чамасы состоял из *даши* ранга 9 а, комиссара (уполномоченного) по надзору и вице-комиссара (*фуши* – ранга 9 б), а местные филиалы – из командира (*сылэн*) и помощника командира (*сычэн*). [1, с.28971(779a)].

⁸*Цзинь* – китайская мера веса, равная примерно 0,5 кг.

⁹*Инь* – термин *инь* в текстах, касающихся чайной торговли употребляется в двух значениях: как весовая единица и как документ на право закупки чая у чаеводов и сбыта его населению [13, с.212].

¹⁰ Тайцзу – посмертное храмовое имя императора Хуньу.

количество чая. Они располагали определенным временным лимитом, обычно год, в течение которого продавали свой чай и возвращали свои лицензии на Станцию по контролю за чаем для их аннулирования [3, с.229]. У торговцев, которые не успевали вернуть свои лицензии, чиновники отбирали чай.

Чиновники династии Мин часто предупреждали торговцев и производителей чая, что в частной торговле чаем возможны многочисленные преступления [3, с.229]. Строгие наказания были предназначены для торговцев, которые продавали чай кочевым племенам нелегально. Смертная казнь ждала каждого, кто вывозил чай контрабандой за пределы Китая.

Император Хуньу очень жестко наказывал контрабандистов, не жалел и своих родственников. В июле 1397 г. органы охраны порядка уезда Ланьсянь в провинции Шэньси арестовали торговцев контрабандным чаем, оказавшихся домашними императорского зятя – Оуян Луня. Когда выяснилось, что последний содействовал этим противозаконным махинациям, разгневанный император приказал казнить его [4, с.216]. Как отмечает «Мин ши»: «императорский зять Оуян Лунь был приговорен к смертной казни за контрабандную торговлю чаем» [2, с.29021(829a)]. Пограничные чиновники, которые содействовали контрабандистам, тоже наказывались, правда, обычно, не так строго.

Мы полагаем, что когда Китай был экономически независимым, он использовал потребности кочевых народов в китайских товарах, как политическое средство, что было предпочтительнее, чем экономические выгоды. Торговля чаем и лошадьми, помимо прочего, была единственным недорогим путем умиротворения кочевников. Согласно этому, китайские чиновники могли контролировать непокоренные племена, просто отказывая им в чае. Но, зачастую, Китай фактически, держал чай для кочевников, т.к. нуждался в лошадях и сам неохотно приостанавливал торговлю чаем и лошадьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартынов С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи. – М.: Наука, 1970. – С.234-250.
2. Мин ши (История [династии] Мин) // Эрши сыши (24 династийные хроники). Шанхай, 1958. – Т.3. – 3975 с.
3. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзан (Извлечения из исторических материалов по истории Синьцзяна). – Бэйцзин, 1987. – 654 с.
4. Установления о соли и чае. – М.: Наука, 1975. – 278 р.
5. Cheng Dekun. Shang China // Archeology in China. – Cambridge, 1960. Vol. II. – 205 p.

6. Creel N.G. The Role of the Horse in Chinese History // American Historical Review. – 1965. – Vol. LXX. – P.655-656.
7. Fairbank J.K. On Qing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1941. – Vol. VI. – P.130-145.
8. Franke W. An Introduction to the Sources of Ming History. – Kuala Lumpur & Singapore: University of Malaya Press, 1968. – 215 p.
9. Hucker Ch. Governmental Organization of the Ming Dynasty // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1958. – Vol. XXI. – P.1-16.
10. Ricci M. China in the sixteenth century: The Journals of Matthew Ricci, 1583-1610. Trans. Louis Gallagher. – New York, 1953. – 151 p.
11. Rossabi M. The Ming and Inner Asia // Central Asiatic Journal. – 1972. – Vol. 8. – P.221-246.
12. Jumayev G. (2023). Temuriylar imperiyasining Xitoy bilan savdo-elchilik munosabatlari. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 3(21), 726-731.
13. Jumayev G. (2023). G‘iyosiddin Naqqoshning “Xitoy Safarnoma”sida Mo‘g‘ulistondagi siyosiy vaziyat tasviri. ISSN 2181-4147 Volume 1, ISSUE 33 December 2023, 1(33), 117.